

«УТВЕРЖДАЮ»

И. о. директора ФГБНУ
Института восточных
рукописей РАН, д.и.н.,
член-корреспондент РАН
ПОПОВА И. Ф.

«24» августа 2020 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ –

Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института восточных рукописей РАН – о диссертации иерея Назария (Вайдаса) Эйвазова *«Учение об Иисусе Христе в Коране: богословский анализ в перспективе диалога между православными и мусульманами»* (г. Сергиев Посад, 2020), представленной на соискание ученой степени кандидата богословия по специальности «Религии мира» и выполненной на кафедре богословия Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Московской духовной академии Русской Православной Церкви»

Представленный на защиту плод отечественной православной науки – подготовленная иереем Назарием (Вайдасом) Эйвазовым диссертация на соискание церковной ученой степени кандидата богословия по специальности «Религии мира» выделяется прежде всего своей актуальностью, четко обозначенной в формулировке темы: «Учение об Иисусе Христе в Коране: богословский анализ в перспективе диалога между православными и мусульманами». За последние десятилетия проблема христианско-исламских взаимоотношений встала необычайно остро как из-за бурных событий на Ближнем Востоке (главным образом, в Сирийской Арабской Республике), где само существование ряда древних

восточнохристианских конфессий оказалось под угрозой, так и вследствие утраты Европой (по крайней мере, большей ее частью) своей религиозной идентичности и наметившейся перспективы ее исламизации. В то же время отрадно, что есть такие регионы планеты, в которых утвердившееся издревле христианство продолжает по сей день мирно сосуществовать с исламом, поддерживая с ним плодотворный культурно-религиозный диалог, как, например, Африканский Рог. Для них выбранная диссертантом тема представляет повседневный насущный интерес.

Следует отметить, что подтверждается заявленная автором новизна рецензируемой работы, заключающаяся в том, что в ней «впервые с точки зрения **православного** вероучения предпринята попытка произвести сравнительный богословский анализ учения об Иисусе Христе в двух мировых религиях», поскольку «как в отечественной, так и в иностранной научной литературе (также со стороны исламской религии) отсутствуют систематические работы по сравнительному анализу **православной** и исламской христологии» (с. 12; выделение мое – С. Ф.).

Во Введении к диссертации четко и лаконично сформулированы также цель, задачи, теоретическая и практическая значимость, предмет, объект, методы исследования и прочие характеристики этого жанра научно-исследовательских работ (с. 5-6, 12-14).

В главе 1 «Христологический аспект диалога двух мировых религий: историографический очерк» (с. 16-31) отражены как сильные, так и слабые стороны рецензируемой работы. Автор проследил основные вехи исламо-христианской полемики через призму христологии от Иоанна Дамаскина (и даже от отдельных его предшественников) до святителя Макария Московского, крестившего последнего хана Казани — Едигера-Мухаммеда». Затем автор неожиданно перескакивает через три столетия с середины XVI на середину XIX в., обращаясь к деятельности Миссионерского противомусульманского отдела Казанской духовной

академии. Детально рассмотрен постсоветский период, причем как с православной, так и с мусульманской стороны, причем на объективность изложения материала указывает сдержанно-уважительное упоминание ренегата православия и священника-расстриги А. В. Полосина (с. 30).

Весьма досадным представляется пропуск ценнейшего отечественного источника по теме диссертации, знакомого всем нам со школьной скамьи, – «Хождения за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Судя по приведенным в заключительной части этого памятника «прекраснейшим именам» Аллаха, записанным кириллицей, этот «путешественник поневоле» после долгих колебаний все же принял ислам¹, поскольку, находясь в Индии, в течение многих лет не мог соблюдать праздники Пасхального цикла и постоянно задавал себе вопрос, какой же он христианин, если лишен возможности праздновать Воскресение Господне. В тексте «Хождения» арабо-персидское выражение *Иса рухоало, ааликъсоллом / Иса рухолло, ааликсолом*² «Иисус дух Божий, мир тебе»³ представляется наивным стремлением сблизить христианство и ислам до полного их неразличения, хотя бы только в индивидуальном сознании Афанасия.

Достойно сожаления, что академическое востоковедение в этой главе представлено лишь «Кораническими сказаниями» М. Б. Пиотровского (М., 1991). Автору следовало бы сослаться на фундаментальный труд по коранистике Е. А. Резвана «Коран и его мир» (СПб., 2001), ставший этапом в развитии этой области знания в нашей стране несмотря на некоторые недостатки (в частности, на значительную компилятивную составляющую), и к тому же содержащий важные наблюдения

¹ См. об этом подробнее: *Lenhoff, Gail*. Beyond three seas: Afanasij Nikitin's journey from orthodoxy to apostasy // *East European Quarterly*. 1979, vol. XIII, № 4. P. 432-447.

² Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подготовили Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1986 («Литературные памятники»). С. 17 (Летописный извод, л. 458об.), 31 (Троицкий (Ермолинский) извод, л. 92об.).

³ Там же. С. 58.

христологического характера⁴. К недостаткам работы приходится отнести недостаточное знакомство ее автора с трудами западных арабистов и исламоведов, как классической, так и миссионерской направленности. Почти все ссылки даны лишь на их русские переводы (а ведь очевидно, что львиная доля этих сочинений на русский не переводилась), а из трех исключений (двух англоязычных работ, Д. Б. Ренара и Дж. М. Менна, и одной на немецком – М. Баушке) лишь последняя – *Jesus im Koran* – целиком посвящена теме диссертации, тогда как для первых двух приведено лишь общее число страниц и не конкретизированы те их разделы или части, в которых затронуто учение об Иисусе Христе в христианстве и исламе (с. 28, примеч. 114-116)⁵.

Впрочем, последующие четыре главы, составляющие основное содержание диссертации, производят куда лучшее впечатление, подкупая читателя четкостью богословской мысли, продуманной подачей материала и его удачной структурированностью. Центральное место в работе отведено главе 2 «Основы христологии в Коране: сравнительный анализ коранического и евангельского текстов и толкований на них» (с. 32-96), занимающей почти треть ее общего объема. В ней прослеживаются основные перипетии земной жизни Иисуса в соответствии с новозаветным откровением, в котором Он выступает как Бог-Слово и Вторая Ипостась, и кораническим преданием, где один из самых почитаемых пророков, ‘Исā, остается человеком, хотя и появившимся на свет без участия мужчины, по слову Божию. С диссертантом стоит согласиться в том, что одной из

⁴ См., например: *Резван Е. А.* Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 491, 516 (примеч. 56), 518 (примеч. 60).

⁵ Примеч. 135 на с. 33 с точной ссылкой на страницу в работе Дж. М. Менна свидетельствует о том, что он имел доступ к ее тексту.

Однако при цитировании работ М. Баушке и Д. Б. Ренара диссертант проявил досадную небрежность. Так, например, на с. 50 он приводит цитату из: *Vauschke 1991, S. 102*, – но эта цитата на самом деле находится на с. 76 этого труда. На с. 82 отец Назарий пишет: «Согласно исламской доктрине, учение о первородном грехе и искуплении не соответствует учению Иисуса Христа, так как эти догмы сформировались задолго до Него в результате языческого влияния», – ссылаясь при этом на: *Renard, 2011, p. 37*, – но там мы не находим ничего подобного.

основных причин искажения евангельской христологии в Коране оказалось «сильное влияние еретиков и псевдо-христиан» (с. 53), которых ссылали в Аравию и которые сами бежали туда. Однако отец Назарий, по видимому, не вполне ясно осознает, что истоки некоторых явно ошибочных представлений Мухаммада о Христе следует искать не в апокрифических евангелиях и не в учениях ересиархов, а в устных рассказах малограмотных (или вовсе неграмотных) приверженцев веры Христовой, забредавших в аравийские оазисы и на стоянки бедуинов. По видимому, к ним восходит имеющееся в тексте Корана (19:28/29; 3:35/31) смешение двух одноименных библейских героинь: Марии, матери Иисуса, и Мариам, сестры Аарона (Хārūна) и Моисея (пророка Мўсы), – которое диссертант почему-то полностью проигнорировал. Правда, не все исследователи, согласны с тем, что такое смешение имело место⁶, но упомянуть об этой проблеме как о дискуссионной несомненно следовало.

Невозможно согласиться с выводом автора о том, что Мухаммаду удалось осмыслить лишь ветхозаветные тексты Священного Писания, якобы доступные ему по-арабски, «т.к. Евангелие тогда еще не было переведено на арабский язык» (с. 53). При этом он ссылается на явно недостоверное арабо-мусульманское предание, о том, что двоюродный брат первой жены Мухаммада, Варақа ибн Науфал, сыгравший важнейшую роль в осмыслении им своего откровения, «успел перевести только Пятикнижие Моисеево, так и не дойдя до новозаветных книг». Во-первых, Тора – еще не весь Ветхий Завет. Во-вторых, основной автор настоящего отзыва, специально занимавшийся проблемами перевода Библии на арабский, пришел к выводу, что никаких достоверных свидетельств перевода хотя бы части Священного Писания на этот язык ранее IX в. не выявлено, так что небесспорным выглядит утверждение о

⁶ См., например: *Пиотровский М. Б.* Коранические сказания. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 121-122; *Резван Е. А.* Ук. соч. С. 518, примеч. 60.

том, что «самый ранний перевод Нового Завета на арабский язык датируется VIII в.» (с. 54, примеч. 221).

В главе 3 «Учение о Втором пришествии Христа в Коране в сравнении с текстом Евангелий» (с. 97-119) рассматривается, пожалуй, наиболее близкий к христианскому учению раздел мусульманской доктрины о пророке 'Йсе. Тут и антихрист ад-Даджжāl, и Гог с Магогом, и восход солнца на западе... Есть, разумеется, и отличия, главным из которых станет явление ал-Махдī вместе и заодно со Вторым пришествием Иисуса. Жаль, что практически нераскрытым остался вопрос о женитьбе Христа после Второго пришествия. В этой связи стоит отметить, что в арабоязычном Интернете обсуждался вопрос о том, был ли женат пророк 'Йсā на Марии Магдалине, главным образом, под влиянием фильма «Код да Винчи». Мусульманские улемы отвечали уклончиво: дескать, супруга Иисуса в исламской традиции не упомянута, но это не значит, что ее не было, ведь сказано в Коране, что пророкам были дарованы жены и потомство (13:38)⁷. Подчеркнем, что речь тут шла не о будущем, а о прошлом.

В главе 4 «Исламское учение о пророчествах о Мухаммеде в Библии» (с. 120-140) диссертанту лучше всего удался § 4.1 «Исламское учение о пророчествах о Мухаммеде в Ветхом Завете» (с. 120-132), где фактически речь идет об одном пророчестве – предсказании грядущего Пророка, сделанном Моисеем во Втор.18:18. Отцу Назарию удалось доказать рациональными методами (прежде всего, текстологически), что речь в нем идет именно об Иисусе, а не о Мухаммеде (с. 122-130).

К сожалению, из § 4.2 «Исламское учение о пророчествах о Мухаммеде в Новом Завете» следует, что с греческим языком у диссертанта напряженные отношения. Об этом свидетельствуют его «рассуждения» по поводу слов *παράκλητος* – *περίκλητος* (последняя

⁷ См., например: <https://www.islamweb.net/ar/fatwa/75653/> (последнее обращение 18.08.2020).

форма не существует: есть *περικλυτός* с ударением на последнем слоге), где автор пишет: «это сложное имя состоит из префикса – *peri*, означающего превосходную степень, и – *kleotis* – слова, означающего: восхвалять, “превозносить”» (с. 136). Ни слова, ни формы *kleotis* в греческом языке не существует, а есть *klytos* (*κλυτός*). К этому добавлю, что использование в диссертационной работе школьного словаря Вейсмана (что не поощряется даже у первокурсников) выглядит нелепо; ведь есть несметное количество профессиональных, в том числе и богословских словарей, но вместо этого автор ссылается на некоего А. А. Дауда (очевидно, неспециалиста в греческом языке). Кроме того, христианское толкование, согласно которому под «Параклетом» (Утешителем) подразумевается Святой Дух, основана на *сильной грамматической натяжке*. «Дух» в греческом языке среднего рода, в иврите и арамейском – женского. Однако местоимение, относящееся к слову Параклет в греческом, – мужского рода. В сирийском же под влиянием греческого оно также мужского рода. На это несоответствие обращали внимание и христианские теологи. С точки зрения грамматики, Параклет не должен относиться к духу, отнесение к которому в христианстве построено на толковании, а не на тексте. Поэтому, не случайно, что существуют и другие толкования, согласно которым Параклет здесь указывает на лицо (человека). В экзотерическом исламе под этим человеком понимается пророк Мухаммад, а в эзотерическом (шиитском) исламе – Қā’им (Махдї).

Весьма досадно, что имя «Иисус» по-гречески дважды написано с ошибкой (с. 33, 194). Вероятно, речь идет о небрежности, но не много ли их в данной работе?!

Глава 5 «Исламская христология в перспективе диалога христиан с мусульманами» (с. 141-151) занимает в диссертации особое место: в ней изложены современные принципы православного миссионерства,

стремящегося не к тотальному обращению исламских монотеистов в веру Христову, а постоянный диалог с ними, проникнутый взаимоуважением и сотрудничеством. Основой же для него должно стать изучение богословских доктрин друг друга, в том числе и христологии.

Итоги исследования подведены в небольшом по объему Заключение (с. 152-159), за которым следует Список использованной литературы (с. 160-174). К сожалению, при обращении к нему приходится констатировать, что диссертант не всегда в состоянии отделить источники от исследований. Так, в разделе «*Научно-исследовательские труды*» с удивлением обнаруживаешь, не только такие общеизвестные арабомусульманские источники, как *Сира* (Жизнеописание Мухаммада) Ибн Хишāма (с. 166, № 77) или *Қисас ал-анбийā* («Рассказы о пророках») Ибн Касйра (с. 166, № 78), но и Арабское евангелие детства Спасителя, причем последнее – со ссылкой на какой-то сайт, а не на «дополнительный том» Собрания сочинений патриарха нашей арабистики, где впервые опубликован выполненный И. Ю. Крачковским русский перевод этого апокрифа⁸.

Ссылки на древних авторов всегда приводятся в русском переводе с указанием страницы русского издания (а не как положено с указанием книги, главы, раздела главы), что вызывает недоумение: как сможет читатель проверить точность ссылки, если у него под рукой нет этого издания? Да и как в объемной книге Иринея он сможет найти такую, например, цитату: «возвещая небесный мир людям», если в сноске указано: «Иринея Лионский, свт. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди. М.: Православный паломник, 2010. С. 220-304» – такой способ цитирования, не подлежащий верификации и не допустимый в научной работе, нередко встречается в диссертации.

⁸ Евангелие Детства // Крачковский И.Ю. Труды по истории и филологии Христианского Востока / Сост. А.А. Долинина, С. А. Французов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2015. С. 138-161.

Работа снабжена тремя приложениями, из которых «Приложение 1. Сходства Библии и Корана: таблица цитат» весьма уместно, тогда как Приложение 2 «Словарь терминов, используемых в работе» может послужить основанием для серьезных дискуссий, например, о подлинном значении таких терминов, как «гностики», «манихеи» или рассмотренный ниже «Иблис». Что до Приложения 3 «Иллюстрации к Корану на библейские темы», то им стоило бы украсить не диссертационное исследование, к тому же не содержащее ссылок на эти миниатюры, а книгу на подобный сюжет.

Основные положения диссертации отца Назария изложены в трех статьях, опубликованных в периодических изданиях «Богословский вестник» и «Христианское чтение», включенных в «Перечень...» ВАК (с. 14). Странной представляется апробация данной работы всего на двух студенческих конференциях (с. 13).

Помимо замечаний, сделанных по ходу рассмотрения работы, следует остановиться еще на ряде ошибок (серьезных и не очень) и недочетов, допущенных диссертантом.

Пробелы в знании им греческого языка были продемонстрированы при анализе § 4.2 главы 4. Однако стоит остановиться и уровне владения арабским языком, который показал отец Назарий.

Пожалуй, наиболее серьезная ошибка диссертанта, связанная с арабским языком и источниковедением ислама, касается появления никогда не существовавшего комментария к Корану, который назван «Тафсир аль-Карим» (с. 9, примеч. 23; с. 160). По-видимому, отец Назарий принял первое слово заглавия с предлогом «Аль-Мунтахаб фи» за имя автора или составителя этого *тафсира*, а остальную часть заглавия «Тафсир аль-Куран аль-Карим» интерпретировал как «Благородный комментарий к Корану». На самом деле речь идет о сборнике из наиболее распространенных комментариев к Священной Книге ислама, который

Министерство Вакуфов Египта издало в 2000 г. под названием *ал-Мунтахаб фи тафсир ал-Қур'ан ал-Карим* «Избранный комментарий к Благородному Корану». Диссертанту следовало бы знать, что наиболее часто употребляемым эпитетом к Священному Писанию мусульман является арабское прилагательное *карим* «благородный».

Грубой ошибкой является согласие диссертанта с выведением имени собственного Иблис из арабского *иблās* (маџдар IV породы, добавим от себя) со значением «лишенный какой-либо пользы» (С. 101-102, 194)⁹. Ведь в арабистике общепризнано, что Иблис есть не что иное как искаженное греческое Διάβολος, поскольку при передаче по-арабски греческих слов нередко отбрасывалось их начало (ср. Йуханна → Ҳанна «Иоанн», Антанйус → Танйус «Антоний»). Отец Назарий в данном случае поверил в достоверность народной этимологии, которая нередко приводится мусульманскими авторами, не знающими толком никакого языка, кроме арабского. Очевидно, то же произошло и со словом *шайтан*, которое отнюдь не означает «лишившийся Божьей милости, далекий от истины, наносящий вред» (с. 102, примеч. 384), а в конечном счете является заимствованием (возможно, через геэз) еврейско-арамейского יָצַו «враг, противник».

Нет полного единообразия в транслитерации (пусть и облегченной) такой части арабского имени, как *нисба* (имя относительное): так, один из арабо-мусульманских средневековых ученых именуется то на дореволюционный манер ас-Саадия (с. 60), то согласно принятой в нынешнем академическом востоковедении форме ас-Саади (с. 60, примеч. 141; с. 61, примеч. 246; с. 62, примеч. 251 и пр.).

⁹ Впрочем, основные значения этого довольно редко употребляемого глагола: «быть грустным скорбным, с разбитым сердцем; быть разочарованным; быть молчаливым под грузом печали, вины; быть ошеломленным, заторможенным» (*de Bibrstein Kazimirski A. Dictionnaire arabe-français. T. I. Paris: chez Théophile Barrois, éditeur, 1846. P. 159*).

Как недоразумение выглядит упоминание о встрече «мусульман с эфиопским царем Наджашием, которая произошла в VII веке» (с. 16) При внимательном знакомстве с оригинальными арабо-мусульманскими источниками, а не с русскоязычной хрестоматией по христианско-исламскому диалогу диссертанту стало бы ясно, что *ан-наджāшī* – это арабская транслитерация эфиопского (геэзского) царского титула *нагаси* в форме активного причастия основной породы («правлящий, царствующий»), что тронное имя этого монарха, скорее всего, было ал-Асхама и что события, на которые в этой связи идет ссылка, в историографии ислама известны как первая (абиссинская, или эфиопская) хиджра.

На с. 7 автор утверждает, что содержание Корана охватывает в том числе и «историю доисламской Аравии». Это – не совсем верно. Лишь отдельные эпизоды древнеаравийской истории, такие как последний прорыв плотины в Марибском оазисе, случившийся в последней трети VI в. (*сура* «Саба'» (34), 14/15-15/16), нашли отражение в Священной Книге мусульман. Конечно, в нее включены предания о доисламских аравийских пророках (Салихе, Худе, вероятно, Луқмане), но к каким именно историческим периодам и частям Аравийского полуострова они относятся, до сих пор не вполне ясно. Правильнее было бы заметить, что древнеаравийские корни Корана не менее значимы, чем иудео-христианские, просто они еще слабо выявлены.

Обосновывая выбор перевода академика И. Ю. Крачковского в качестве единственного перевода Корана, использованного в рецензируемой работе, диссертант указал, что данный труд крупнейшего отечественного арабиста прошлого столетия, «по мнению автора, является более точным, нейтральным и разносторонним», «в России считается академическим и литературным» и, наконец, «рассчитан не только на простых верующих мусульман, но и на учёных-арабистов и корановедов»

(с. 7). Казалось бы, такой выбор – бальзам на душу представителям фундаментального востоковедения, да только не предназначавшийся для публикации подстрочник, грешащий косноязычием, никак нельзя назвать литературным. И для верующих мусульман (простых и не очень) он ни в коей мере не предназначался. Лучший литературный перевод Корана на русский язык, несущий на себе отблеск золотого века отечественной литературы, – это перевод Гордия Семеновича Саблукова, наиболее яркого представителя казанского миссионерского востоковедения, чей вклад в русскую арабистику высоко оценили столпы академической науки, в целом весьма отрицательно относившиеся к попыткам православных миссионеров заняться изучением ислама. Достаточно сравнить несколько коранических цитат, выбранных наугад из диссертации отца Назария, в переводах И. Ю. Крачковского и Г. С. Саблукова, чтобы понять, какой перевод четче, понятнее, красивее:

38:71

«А когда Я его завершу и вдуну в него от Моего духа, то падите, поклоняясь ему... (Крачковский) – с. 36;

«Когда Я дам ему надлежащий образ и вдохну в него Моего духа: тогда вы припадите и поклонитесь ему» (Саблуков);

32:9

«...потом выровнял его и вдул в него от Своего духа» (Крачковский) – с. 36;

«Потом, размерно образовал его и вдохнул в него от духа своего» (Саблуков);

9:51

«Не постигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам Аллах» (Крачковский) – с. 45;

«С нами бывает только то, что преднаписал для нас Бог» (Саблуков);

5:112-115

««Вот сказали апостолы: “О Иса, сын Марйам! Может ли твой Господь низвести нам трапезу с неба? Он сказал: “Бойтесь Бога, если вы верующие”. Они сказали: “Мы хотим поесть с нее, и успокоятся наши сердца, и будем мы знать, что ты сказал нам правду, и мы будем о ней свидетелями”. Сказал Иса, сын Марйам: “Аллах, Господи наш! Низведи нам трапезу с неба! Это будет нам праздником для первого из нас и для

последнего и знамением от Тебя. И даруй нам удел, Ты — лучший из дарующих уделы!” Сказал Аллах: “Я ниспощлю её вам, но кто еще из вас будет потом неверующим, того Я накажу наказанием, которым не наказываю никого из миров”» (Крачковский) – с. 61;

«Вот Апостолы сказали: Иисус, сын Марии! Господь твой может ли ниспослать нам с неба трапезу? Он сказал: бойтесь Бога, если вы верующие. Они сказали: хотим вкусить от неё, чтобы успокоились сердца наши, и мы знали бы, что говоришь нам истину, и мы были бы свидетелями её. Иисус, сын Марии, сказал: Боже Господи наш! Ниспосли нам с неба трапезу: она будет праздником нам, первому из нас и последнему из нас, будет знамением от Тебя. Напитай нас, потому что Ты наилучший Питатель. Бог сказал: Я ниспощлю её вам; но кто из вас после того будет неверующим, того накажу Я наказанием, каким не наказывал Я ни одного из миров».

Если иметь в виду миссионерскую составляющую данной работы, то отказ от перевода, вышедшего из-под пера преподавателя Казанской духовной академии, тем более достоин сожаления.


Ради объективности стоит констатировать, что автор хорошо разбирается в переводах Корана на русский язык и упоминание им, в частности, перевода Валерии Пороховой – отнюдь не курьез, как может показаться на первый взгляд. Ссылки на стихотворное творение этой прозелитки ислама с серьезным разбором тех образов, которым она отдала предпочтение, встречаются в академических востоковедных статьях наших современников. Диссертанту стоило бы уделить более пристальное внимание упоминаемому им переводу Корана, выполненному московским иранистом Магомед-Нури Османовичем Османовым, из-за ценных комментарием, в которых приведено толкование «темных мест» Священной Книги ислама в авторитетных средневековых *тафсирах*.

Диссертант констатирует, что «исламское учение об Иисусе Христе на основе Корана..., к сожалению, даже в исламской богословской литературе изложено поверхностно и фрагментарно» (с. 5). Может быть, стоит смягчить эту формулировку одной из задач исследования, поставив

вместо двух последних наречий «без должной глубины и неполно». Разница тут, скорее, стилистическая, но предлагаемая замена в большей степени соответствует декларируемому с первых страниц работы духу добрососедского диалога между двумя мировыми авраамическими религиями.

Трудно понять, почему в диссертации, написанной православным священником, идет ссылка на Л. И. Климовича, именуемого то «советским востоковедом» (с. 50), то «историком» (с. 143). Востоковедом, да и ученым вообще Люциан Ипполитович никогда не был, а являлся он штатным пропагандистом вульгарного атеизма, тщетно пытавшимся в 30-е гг. доказать вслед за мифологичностью Христа неисторичность Мухаммада. Его произведение «Книга о Коране, его происхождении и мифологии», цитируемое в диссертации и даже включенное в раздел «Научно-исследовательские труды» Списка использованной литературы (с. 170, № 127), никакой научной ценности не имеет. Имя Климовича, этого гонителя академика И. Ю. Крачковского, стоит приписать забвению, и его появление в церковно-научной диссертации свидетельствует, что ее автор плохо представляет себе тернистый путь, пройденный отечественным исламоведением.

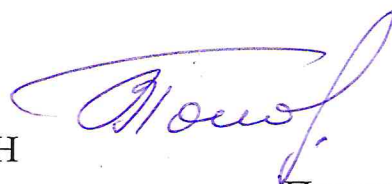
Несмотря на отмеченные в отзыве недочеты, часть которых носит системный характер, и определенные пробелы в знании греческого и арабского языков, заявленная в названии работы тема раскрыта, вынесенные на защиту положения обоснованы, автореферат отражает ее содержание, а сама она соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата богословия в соответствии с «Положением о кандидатских диссертационных советах в Русской Православной Церкви», а ее автор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени.

Отзыв составлен доктором исторических наук, доцентом, заведующим отделом Ближнего и Среднего Востока – главным научным сотрудником ФГБУН Института восточных рукописей РАН ФРАНЦУЗОВЫМ Сергеем Алексеевичем: 

Отзыв обсужден и принят на заседании отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН 19 августа 2020 г. (протокол № 3) под председательством д.и.н., проф., гл.н.с. Попова В. А. при секретаре – к.и.н., н.с., ученом секретаре отдела Гусаровой Е. В. В ходе открытого голосования голоса сотрудников отдела Ближнего и Среднего Востока: д.и.н., доц., зав. отделом – гл.н.с. Французова С. А.; к.и.н., н.с, ученого секретаря отдела Гусаровой Е. В.; к.и.н., с.н.с. Грушевого А. Г.; к.ф.н., с.н.с. Иоаннесяна Ю. А.; д.и.н., проф., гл.н.с. Попова В. А.; к.и.н., с.н.с. Хисматулина А. А.; д.и.н., гл.н.с. Хосроева А. Л.; д.ф.н., вед.н.с. Чунаковой О. М.; д.и.н., вед.н.с. Якерсона С. М., – распределились следующим образом: «за» – 7 (семь), «против» – нет, воздержались – 2 (два).

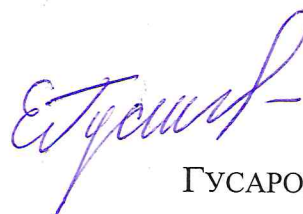
«19» августа 2020 г.

Председательствующий – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН



ПОПОВ В. А.

Секретарь заседания – кандидат исторических наук, научный сотрудник, ученый секретарь отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН



ГУСАРОВА Е. В.

ПОДПИСЬ *Французова С.А., Попова В.А. и Гусаровой Е.В.*
УДОСТОВЕРЯЮ:

ПОМОЩНИК ДИРЕКТОРА

ГАВРИЛОВА Т.А.




19.08.2020